

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/05>

Себелева А.В., Булка О.С.

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА СЛАВЯН В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ВИЙ»

Аннотация. Последние тридцать лет одним из приоритетных направлений в современном гоголеведении стало изучение художественной антропологии Гоголя в ее мифо-символических характеристиках праславянской и древнеславянской картины мира. В связи с этим авторы статьи поставили перед собой ряд задач: дать характеристику сказочно-мифологической фантастики, проанализировать сказочно-мифологическую фантастику «Миргорода» и повести «Вий», обосновать трансляцию мифологической картины мира славян сквозь призму творчества писателя. Мифология, в представлении исследователей данной работы, предстает как специфический способ, метод воспроизведения действительности. Мифологическая картина мира всегда сопровождала человека, поскольку за ней стоят определенные представления о мире и месте человека в этом мире. Возникнув в дохудожественный период развития литературы, она связана с воображением, которое при моделировании образа или идеи часто использует фантастические допущения. Таким образом, восприятие мира сквозь призму мифа порождало особую мифологическую фантастику, чья образность воплощалась в конкретно-чувственных формах. Миф, как часть устного народного творчества, со временем не изживает себя в полной мере и продолжает влиять на отечественную художественную литературу. Особо явно это проявляется в эпоху романтизма, с ее представлениями о двусферности мира, обращением к темным сторонам души, фантастической образностью. Для романтиков фантастика является специфической формой художественного познания мира и человека. Гоголь, как яркий представитель этой эпохи, однако, запечатлел в своих произведениях не общемировой миф, а славянский. Повесть «Вий» занимает особое место в цикле «Миргород». В ней присутствует фантастика сказочного и религиозно-мифологического плана, что объясняется связями с жанром былички и славянского мифа о темном духе, насылателе ночных кошмаров и темных видений, а также христианскими представлениями о миропорядке.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь; Вий; картина мира; славянская мифология; «Миргород»; быличка.

Сведения об авторах: Себелева Анастасия Валериевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижевартовского государственного университета; ORCID: 0000-0002-9545-0105; Булка Ольга Сергеевна, студент 3 курса, Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628609, Россия, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б, ауд. 305; 8-912-935-7841, e-mail: sebelevaa@mail.ru; 628615, Россия, г. Нижневартовск, ул. Интернациональная, д. 47, кв. 203, bulka186o2018@mail.ru

A.V. Sebeleva, O.S. Bulka

THE MYTHOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD OF THE SLAVS IN N.V. GOGOL'S NOVELLA «VIY»

Abstract. Over the past thirty years, one of the priorities in modern Gogol studies has been the study of Gogol's artistic anthropology in its mythological and symbolic characteristics of the Proto-Slavic and Old Slavic worldview. In this regard, the authors of the article set themselves a number of tasks: to characterize the fabulous mythological fiction, to analyze the fabulous mythological fiction of «Mirgorod» and the story «Viy», to justify the translation of the mythological picture of the world of the Slavs through the prism of the writer's creativity. Mythology, in the view of the researchers of this work, appears as a specific way, a method of reproducing reality. The mythological picture of the world has always accompanied man, because behind it there are certain ideas about the world and man's place in this world. Having arisen in the pre-artistic period of the development of literature, it is associated with the imagination, which often uses fantastic assumptions when modeling an image or idea. Thus, the perception of the world through the prism of myth gave rise to a special mythological fiction, whose imagery was embodied in concrete sensory forms. The myth, as a part of oral folk art, does not fully outlast itself over time and continues to influence domestic fiction. This is especially evident in the era of Romanticism, with its ideas about the ambiguity of the world, appeal to the dark sides of the soul, fantastic imagery. For romantics, fiction is a specific form of artistic cognition of the world and man. Gogol, as a bright representative of this era, however, captured in his works not a global myth, but a Slavic one. The story «Viy» occupies a special place in the cycle «Mirgorod». It contains fantasy of a fairy-tale and religious-mythological plan, which is explained by the connections with the genre of the epic and the Slavic myth about the dark spirit, the sender of nightmares and dark visions, as well as Christian ideas about the world-bearer.

Keywords: N.V. Gogol; Viy; picture of the world; Slavic mythology; «Mirgorod»; bylichka.

About the authors: Anastasia V. Sebeleva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation of Nizhnevartovsk State University; ORCID: 0000-0002-9545-0105; Bulka Olga Sergeevna, 3rd year student, Nizhnevartovsk State University

Contact information: 3b Mira str., room 305, Nizhnevartovsk, 628609, Russia; 8-912-935-7841, e-mail: sebelevaa@mail.ru; 628615, Russia, Nizhnevartovsk, Internatsionalnaya str., d 47, sq. 203, bulka186o2018@mail.ru

Себелева А.В., Булка О.С. Мифологическая картина мира славян в повести Н.В. Гоголя «Вий»//
Нижневартовский филологический вестник. 2023. №2. С. 71-81.
<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/05>

Sebeleva, A.V. & Bulka, O.S. (2023). The Mythological Picture of the World of the Slavs in N.V. Gogol's Novella «Viy». *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 71-81. (in Russian).
<https://doi.org/10.36906/2500-1795/23-2/05>

Изучение картины мира, запечатленной в произведениях литературы, является одним из наиболее актуальных направлений в филологии. По мнению ряда ученых, первое обобщенное представление о мире возникло у человека в условно-метафорической форме, поскольку художественная картина мира входит в картину мира как главный связующий элемент всех ее частей: без нее было бы невозможно составление панорамно-образного представления о мире, так как это представление всегда имеет характер наглядности, а наглядность и схожесть присутствуют только в художественном образе. Художественная картина мира отражает общество и природу в конкретно-чувственных образах, которые представляют собой своеобразный синтез субъективного восприятия и объективного постижения действительности (Полубояров 2016: 6).

В середине 40-х годов XIX в. в русской литературе произошли серьезные изменения, связанные с формированием «натуральной школы» – первой в России подлинно национальной художественной школы, основоположником которой считают Н.В. Гоголя. Это явление вызвало большую дискуссию в научном мире. Искусство призвано в соответствующих самобытных художественных формах отражать жизнь своего народа и его идеалы. Исходя из этого тезиса славянофилы, да и революционные демократы считали, что русская литература еще не стала подлинно народной. «Если окончить Гоголем ход нашего литературного развития, – писал Н.А. Добролюбов в 1858 году, – то и окажется, что до сих пор наша литература почти никогда не выполняла своего назначения: служить выражением народной жизни, народных стремлений» (Добролюбов 1962: 263). Но чтобы литература все же могла выполнить свое предназначение, необходимо знать, в чем же заключается суть народной жизни, народных стремлений и идеалов. В этих условиях остро встает, и проблема источников вдохновения, вообще истоков русской народности, русского национального характера, самобытного воззрения на жизнь, природу, окружающий мир. Очевидно, ответить на эти вопросы и проблемы могла только научная мысль. Так создаются объективные предпосылки для возникновения в русском литературоведении «мифологической» школы, которая и ставит своей целью исследование, изучение истоков национальной самобытности русского народа на материале национальной русской литературы и искусства.

Мифологическая школа в своих изысканиях опиралась на учение о мифе и мифологии как первооснове умственной, а затем и художественной, поэтической деятельности человека.

Исходя из первых учений, мифология есть форма мышления, средство познания и объяснения человеком явлений окружающей действительности, «как праисточника современной литературы» (Рымарева, Себелева 2021: 5). В отличие от логической формы, мифическое познание было формой бессознательного, естественного отражения мира человеком. Результаты такого познания закреплялись в виде слов-образов, что становились первым актом мифотворчества.

«Прежде чем говорить о различных народных верованиях и традициях, где наблюдается смешение православия и язычества, стоит рассмотреть историю появления этих явлений и процессов. Важно отметить тот факт, что о вере древних славян до крещения Руси говорить сложно не только из-за малой изученности данной темы, но и из-за немногочисленности каких-либо серьезных и непредвзятых источников. Многие дошедшие до нас сведения о богах и культах славян описаны у христианских авторов, которые ставили своей задачей не комплексный анализ этих явлений, а дискредитацию всего языческого и неортодоксального» (Самойловский 2022: 6).

Русская мифологическая картина мира претерпевает свою эволюцию вследствие принятия христианства, когда происходит наложение библейского мифа на языческий. Особенно ярко это отразилось в устном народном творчестве (сказки, загадки, заклички, пословицы и поговорки, а также обрядовые песни) и древнерусской литературе. Известно, что именно в древнерусской литературе зародились тенденции русской литературы как таковой, а развитые формы фольклора придали ей окраску самобытности. Наши древние предки язычники соблюдали множество сложных обрядов, в которых проявлялись их представления об окружающем мире. Они одушевляли природу, воду, огонь, поклонялись им, воздавали жертвы. Так было до принятия христианства. С 988 г. языческая вера под ударами новой религии стала уступать место библейской картине мира и системе христианских ценностей, язычество стало подвергаться гонениям.

Мироустройство древних славян было трехферно: правь – верхний мир и место обитания богов, явь – земной, срединный мир людей, навь – загробный мир. В каждом из этих миров были свои правила и порядки, а человек не мог пересекать эти грани. Кроме божеств высшего порядка, которые отвечали за такие важные категории жизни как цикличность времен года, течение времени, жизнь и смерть, покровительствовали животноводству, земледелию, охраняли дом и род, в славянской мифологии были и стихийные духи леса, гор, воды, той части природы, с которой связана жизнь восточных славян. Вообще в славянском фольклоре, как и в устном наследии других народов, наряду с героями гармонического склада выступают образы беспорядочного действия и «характеризуются наибольшей абстрагированностью функций» (Себелева 2020: 188).

Таким образом дисгармоничного склада является Вий. В славянской мифологии Вием назывался темный дух, насылающий ночные кошмары и темные видения. Считалось, что служил он повелителю нижнего мира и судил умерших за их поступки. Он являл собой силу природы, но в то же время силу темноты и зла. Он олицетворяет собой мистические аспекты

славянских верований и культуры. Это существо антропоморфно, имеет необычные и мрачные черты. Этот зловещий дух был огромного роста с густыми бровями, глазами как у лягушки и непомерно длинными ресницами и веками, падающими к самой земле. Чтобы поднять веки, требовались слуги-силачи. Считалось, что ничто живое не могло укрыться от его смертоносного взгляда, и встреча с Виём была смертельна для человека.

Описание, данное народом этому божеству, очень четко передал Н.В. Гоголь в своей повести «Вий» из цикла «Миргород». Творчество выше обозначенного писателя всегда было объектом пристального внимания критиков и литературоведов. Появление очередного произведения писателя каждый раз вызывало ожесточенную полемику, обусловленную не только стремлением дать ему оценку – восторженную или негодующую, но и желанием разобраться в причудливом и странном художественном мире Гоголя.

Одним из приоритетных направлений в современном литературоведении (Рымарева, Себелева 2017) и гоголеведении стало изучение художественной антропологии писателя в ее мифо-символических характеристиках праславянской и древнеславянской картины мира. Эти аспекты изучения творчества Гоголя нашли свое отражение в трудах С.Г. Бочарова, М. Вайскопфа, А.Х. Гольденберга, С.А. Гончарова, А.И. Иваницкого, В.Ш. Кривоноса.

Интерес к малороссийскому фольклору проснулся у писателя уже в детстве. Еще учась в нежинской гимназии, будущий писатель завел себе рукописный журнал под названием «Книга всякой всячины, или подручная энциклопедия» куда он записывал различный фольклорный материал, рубриковал его и даже подвергал в силу своих возможностей этнографическому и лексическому анализу.

Известно, что первый опыт публикации своего произведения (речь идет о поэме «Ганс Кюхельгартен») для Гоголя оказался провальным. Путь к успеху и признанию писателя был прочно связанным именно с малороссийским фольклором, записи которого он продолжал получать в Петербурге от своих близких и, прежде всего, от матери. Эта увлеченность нашла свое глубокое проявление в его сборниках «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1829–1832) и «Миргород» (1835).

Если говорить о жанровых разновидностях гоголевских циклов, сближающих их с фольклором, то они наблюдаются здесь по двум линиям. Первая линия связана с песенным фольклором лирического и эпического характера, вторая – с эпическим прозаическим фольклором, к которому относятся паремии, сказки, «предания», объединяющие у Гоголя «были» (по современной классификации былички) и легенды.

Особый интерес здесь представляют былички (были, бывальщины) – рассказы о встрече людей с потусторонними силами. «Быличка повествует о неожиданном контакте героя и антагониста: о вторжении антагониста в реальный мир или о перенесении героя в “антимир”» (Ефимова).

В.Я. Пропп обратил внимание на смежный характер жанра былички с жанром волшебной сказки, что выражается в «межжанровом пограничье»: «Здесь могут быть переходные, смежные и неясные случаи, – пишет исследователь. – <...> Вера в

изображаемые в этих рассказах существа может утратиться, а рассказ остаться, но остаться уже как чистый вымысел. <...> Быль может превратиться и в анекдот, может превратиться и в сказку». И он же отметил, что у былички «и происхождение, и способ исполнения, и поэтика совершенно иные, настолько иные, что быличка должна быть выделена из области сказки» (Пропп 2004: 37).

Так, быличка отличается от сказки персонажами. Ее герои – водяные, русалки, ведьмы, лешии, «переплуты», бесы (черти) и прочая «нечисть», относящаяся к персонажам «нижнего» демонологического уровня. Сюда же относятся и мертвецы, связанные с образностью хтонического, то есть подземного мира. Второй характерный признак, отличающий быличку от сказки – конкретный хронотоп, то есть «конкретное» пространство и время, которое может носить признаки «фабулата», когда в быличке идет отсыл в «незапамятные времена», или «мемората», когда события былички излагаются со слов того, кто был либо непосредственным участником этих событий, либо о них услышал от их участников. Таким способом событиям былички придается статус «истины», то есть события в быличке обязательно трактуются как действительно случившиеся. В качестве третьего признака можно выделить характер финала. Если в волшебной сказке финал обязательно счастливый, то в быличке финал, по преимуществу, трагический. Встреча с потусторонней силой для человека обычно чревато утратой или даже гибелью. Хотя иногда встречаются былички, когда герой благодаря своему «правильному поведению» нечистой силой одаряется. Но такие финалы для этого жанра достаточно редки. Четвертым признаком былички, отличающим ее от сказки, является характер ее фантастики.

В быличке воплощена по-преимуществу религиозная фантастика, но это фантастика не столько христианской, сколько языческой природы. Поэтому можно говорить о мифологических коннотациях этой фантастики, представленных на момент создания былички в основном в суевериях (поверьях). Именно суеверие выступает «организующей частью былички», определяя характер ее фантастики. В силу таких характеристик некоторые исследователи говорят о том, что быличка по своим структурно-содержательным признакам ближе к мифу, чем к сказке, что в, прочем, совсем не исключает, как отмечалось выше, усвоение быличками сказочных элементов (См.: Рейли 1999). Но тут же стоит оговориться, что как «сказка вовлекает в свой мир только то, что укладывается в ее конструкцию» (Пропп176: 165), так и быличка усваивает «из сказки только то, что не разрушает ее жанровую природу или что может быть в ней в соответствии с этой природой преобразовано» (Корепова 2011: 293).

Таким образом, природа фантастики у Гоголя в повести «Вий» фольклорного происхождения и обнаруживает связь со сказкой и мифом. Но произведения Гоголя по своей природе литературны, в отличие от фольклорных народных текстов, они авторского происхождения. В жанровом отношении это сложные образования, в которых нет четкой границы между сказкой, быличкой, календарным и собственно песенным фольклором. Нет в повести Гоголя и сказочного хронотопа, так как место, где происходят события повести,

претендует на «реальность». Такой хуторприсутствовал на географической карте Малороссии и, одновременно, это некий «идеальный» мир, сотворенный творческой фантазией автора и весь пронизанный фольклорной мотивностью.

В быличке реальный мир всегда соприкасается с миром «инаковым» – инфернальным, демоническим. И граница между этими двумя мирами проницаема. Многие исследователи отмечают, что Гоголь в своем творчестве как никакой другой писатель связан с древними архаическими структурами мифа. Так, на этом вопросе подробно останавливался Ю.М. Лотман, отметивший, что «Гоголь – писатель, синтезировавший самые различные стихии национальной жизни. Острая современность его произведений сочеталась со способностью проникать в глубинные пласты архаического сознания народа <...> ...произведения Гоголя могут служить основой для реконструкции мифологических верований славян, восходящих к глубочайшей древности» (Лотман 2002).

В первую очередь, следует отметить, что мир «Вия» связан с «рубежным», «пороговым» пространством и временем. Ю.М. Лотман отметил, что «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (“свое”) и внешнее (“их”))» (Лотман 2002). Эта граница (что особенно характерно для мифологического сознания), в частности, проходит между миром живых и миром мертвых. «Свое» пространство мыслится, как «гармонически организованное», «культурное» пространство, противоположное «чужому», «враждебному», «опасному» и «хаотическому» «их-пространству». Такая же граница проходит и через время, разделяя его на «безопасное» и «опасное». По Лотману, граница соединяет и одновременно разделяет две «пограничные культуры», поэтому в потенциале она всегда проницаема.

Сюжет повести «Вий» связан с мотивом проницаемости границы между «этим» и «иным» мирами.

События былички, рассказывающей о встречах людей с существами «иноного» мира, как пишет Э.В. Померанцева, обычно «происходят в темноте: в сумерках, вечером, ночью, в туман, призрачную “месячную” ночь» (Померанцева 175: 23). Обращает на себя внимание, что главные события повести «Вий», связанные жанром былички, происходят в «переходное» и «страшное» ночное время. Так, местом временного перехода является ночь, а пространственного – «нечистое» пространство.

Фантастичны в «Вие» образы нечистой силы, воссозданные Гоголем в соответствии с демонологией славянской мифологии. Часто это зооморфные, монструозные персонажи, в которых человеческий облик странно или страшно сращен со звериным: «Не имел духу разглядеть он их; видел только, как во всю стену стояло какое-то огромное чудовище в своих перепутанных волосах, как в лесу; сквозь сеть волос глядели страшно два глаза, подняв немного вверх брови. Над ним держалось в воздухе что-то в виде огромного пузыря, с тысячью протянутых из середины клещей и скорпионных жал. Черная земля висела на них клоками» (Гоголь). Глаза демонических персонажей сверкают адским пламенем, их взгляд завораживающе действует на человека, подчиняя себе, делая его послушным орудием в руках нечистой силы.

В примечании к своей повести «Вий» Гоголь писал, что он только пересказывает народное предание практически без изменений – «почти в такой же простоте, как слышал» (Гоголь). В основу повести, несомненно, положено народное сказание, которое было переосмыслено и обработано автором. Главным действующим лицом повести является философ-студент Хома Брут. Хозяйка хутора – старуха, которая оказалась ведьмой, разместила бурсаков на ночлег, но выбрала из всех жизнерадостного и веселого Хому, чтобы отправиться на нем в полет. Всю ночь ведьма летала на героя, но ему удалось отбиться от старухи, заколов ее до смерти поленом. Однако ведьма не может простить философу своей смерти, она хочет мстить до победного конца за собственную гибель и перед смертью просит отца, чтобы молитвы над ней прочитал философ. Хома делал то, что ему велели, на протяжении трех ночей, и все это время ведьма пыталась поймать его, однако Хому спас магический круг, который он начертил для защиты от ведьмы.

Таким образом, в данной повести можно выделить христианский и языческий повествовательные пласты. Так, мы можем увидеть образ церкви. Именно в ней встречаются все основные персонажи и наступает сюжетная развязка. Раскрываются такие важные верования, как помощь Божья в последний момент, когда человека уже оставили последние силы сопротивляться искушению, и о страхе как воротах, через которые входят бесы. В «Вие» Гоголь гениально демонстрирует психологическую реальность, которая стоит за языческой мистикой бесов в фольклорных образах леших, русалок, домовых и прочих им подобных созданий. Так, основным мотивом этой повести является людская боязнь мистики, неизвестности и смерти. Но иногда соблазн все же пересиливает эти страхи. Так случилось и с Хомой. Он до жути боялся читать ночью в церкви над панночкой молитвы и предчувствовал что-то недоброе, но не смог отказать влиятельному человеку, который к тому же обещал крупную сумму денег. Автор преподносит выпускников духовной семинарии как грешников, ведь они ругаются, дерутся, выпивают, в общем, нарушают религиозные заповеди. Из описания автора понятно, что их души погибли, за это они и получают в итоге наказание. По сути этот факт не расходится с мифологическими представлениями о предназначении Вия. Ему была поручена важная миссия – спуститься в подземное царство и очищать в нем души умерших. Даже взгляд Вия был подобен очищающему пламени. Однако в самой повести Вий описывается как приземистый, косолапый; с жилистыми, как крепкие корни руками и ногами; весь в чёрной земле; с железными пальцами и лицом; длинными веками, опущенными до земли. Если в мифологической легенде Вий способен убивать взглядом и наводить сглаз, то у Гоголя у него другие способности – он не убивает, а скорее снимает действие всех оберегов от нечистой силы при взгляде на него.

Чтение Гоголя неизменно сопровождается двумя странно сочетающимися ощущениями: чувствуется, что образы и сюжеты его диковинные и совершенно нереальные, и в то же время – удивительно живые и убедительные. Гоголь не описывал «реальный» мир, он смог создать иной, собственный мир, сделать его еще более реальным. Писатель верил,

что рукой его при этом водили таинственные нечеловеческие силы. Его персонажи – из тех, что оживают после их создания, разбегаются и перестают слушать своего создателя, точно заживший своей жизнью Нос майора Ковалева или портрет страшного ростовщика (Куликов 2020: 7). Творимый им мир перестает казаться просто художественным произведением, литературным вымыслом, он ближе иной, еще более древней, области человеческого духа – мифологии. Именно мифу, не создаваемому ничьими сознательными усилиями, индивидуальными или коллективными, и потому не заключающему в себе никаких иносказаний и внешних отсылок, но властвующему над сознанием людей, присущи и гоголевское неправдоподобие, и гоголевская живость. Трансформация мифа в повести создает единое пространство человеческого миропорядка, где осуществляется взаимосвязь настоящего с прошлым, реальной жизни со всеобщей, вечной.

Таким образом, подводя итог выше сказанному, следует отметить, что сказочно-мифологическая фантастика является специфической формой художественного познания мира и человека. Будучи по своей природе «синтетической», она органически усваивает черты мифологической, сказочной и религиозной картины мира, а также формирует новую образность. Ведущим приемом такого освоения мира оказывается романтический гротеск, в отличие от карнавального гротеска тяготеющий не только к комическому, но также к «страшному» и «трагическому». Повесть «Вий», входящая в цикл «Миргород», отличается от других повестей сборника иной картиной мира. В ней присутствует фантастика сказочного и религиозно-мифологического плана. В то же время здесь нет аллегии и иносказания, под демоническими существами не подразумеваются человеческие или общественные пороки. Существование фантастического мира дается в традиции романтического двоемирия – как реально, параллельно существующего рядом с каждым человеком. Это, в свою очередь, транслирует и мифологическую картину мира древних славян, когда стерты грани реального и запредельного миров. Ведь в сознании наших предков всё окружающее очеловечено и мыслится как единое целое, в каждой частичке природы, в предметах и окружении скрыта животворящая сила, с которой человек вступает в определенные отношения и совершает определенные ритуалы. Национальные реалии, проявляющиеся как в предметах материального, так и духовного миров повести, в условиях взаимодействия эпох, раскрывают своеобразие культурных ценностей, обычаев и традиций.

ЛИТЕРАТУРА

Гоголь Н.В. Миргород. URL: <https://clck.ru/36VCKL>

Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. / Под общ. ред. Б.И. Бурсова и др. Т.2. М.-Л., Гослитиздат. Ленинградское отделение, 1962.

Ефимова Е.С. Основные мотивы русских быличек (Опыт классификации) // Фольклор и постфольклор: структура, типология семиотика. URL: <https://clck.ru/36VCnt>

Корепова К.Е. Быличка и сказка (в межжанровом пограничье) // Рябининские чтения – 2011. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 291-293.

Куликов А.К. Мифологические мотивы в творчестве Н.В. Гоголя. Философский анализ. СПб.: Алетейя, 2020.

Лотман Ю.М. Гоголь и соотнесение смеховой культуры со смешным и серьезным в русской национальной традиции // История и типология русской культуры. Искусство-СПб, 2002. URL: <https://clck.ru/36VCiS>

Полубояров Д.И. Художественная картина мира // Культура. Духовность. Общество: сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции (28 января, 2016 г.). Новосибирск: ООО Издательство «СИБПРИНТ», 2016. С. 6-11.

Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975.

Пропп В.Я. Русская сказка. М.: Лабиринт, 2004.

Пропп В.Я. Фольклор и действительность: избранные статьи. М.: Наука, 1976.

Рейли М.В. Жанр былички: Комплекс запретов. Автореф. дис... канд. филол. наук. СПб. 1999.

Рымарева Е.Н., Себелева А.В. Медведь как тотемное животное в мифологии обских угров и в русской ментальности // Культура, наука образование: проблемы и перспективы: материалы VI международной научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 13-15 февраля 2017). Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. Ч. I. Общественные и гуманитарные науки. С. 392-396.

Рымарева Е.Н., Себелева А.В. Трансформация архетипов и мифологем в творчестве обских угров: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. ун-та, 2021.

Самойловский Л.А. Языческо-христианский синкретизм на Руси // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т.10. С. 6-6. URL: <https://clck.ru/36VCgr>

Себелева А.В. Архетип лесной колдуньи и лесного духа в славянской мифологии и хантыйских сказках // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: материалы Всероссийской научно-практической конференции XVIII Югорские чтения. Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир», 2020. С. 186-198.

REFERENCES

Gogol', N.V. Mirgorod. URL: <https://clck.ru/36VCkL>

Dobrolyubov, N.A. (1962). *Sobr.soch.:* v 9 t. / Pod obshh. red. B.I. Bursova i dr. T.2. M.-L., Goslitizdat. Leningradskoe otdelenie.

Efimova, E.S. *Osnovny`e motivy` russkix by`lichek (Opy`t klassifikacii). Fol`klor i postfol`klor: struktura, tipologiya semiotika.* URL: <https://clck.ru/36VCnt>

Korepova, K.E. (2011). *By`lichka i skazka (v mezhzhanrovom pogramich`e). Ryabininskie chteniya – 2011.* Petrozavodsk: Karel`skij nauchny`j centr RAN, S. 291-293.

Kulikov, A.K. (2020). *Mifologicheskie motivy` v tvorchestve N.V. Gogolya. Filosofskij analiz.* SPb.: Aleteija.

Lotman, Yu.M. (2002). Gogol` i sootnesenie smexovoj kul`tury` so smeshny`m i ser`ezny`m v russkoj nacional`noj tradicii // Istorija i tipologija russkoj kul`tury`. Iskusstvo-SPB. URL: <https://clck.ru/36VCiS>

Poluboyarov, D.I. (2016). Xudozhestvennaya kartina mira. Kul`tura. Duxovnost`. Obshhestvo: sbornik materialov XXII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (28 yanvarya, 2016 g.). Novosibirsk: OOO Izdatel`stvo «SIBPRINT», S. 6-11.

Pomeranceva, E`.V. (1975). Mifologicheskie personazhi v russkom fol`klore. M.: Nauka.

Propp, V.Ya. (2004). Russkaya skazka. M.: Labirint.

Propp, V.Ya. (1976). Fol`klor i dejstvitel`nost`: izbranny`e stat`i. M.: Nauka.

Rejli, M.V. (1999). Zhanr by`lichki: Kompleks zapretov. Avtoref. dis... kand. filol. nauk. SPb.

Ry`mareva, E.N., & Sebeleva, A.V. (2017). Medved` kak totemnoe zhivotnoe v mifologii obskix ugrov i v russkoj mental`nosti // Kul`tura, nauka obrazovanie: problemy` i perspektivy`: materialy` VI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Nizhnevartovsk, 13-15 fevralya 2017). Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gos. un-ta, Ch. I. Obshhestvenny`e i gumanitarny`e nauki. S. 392-396.

Ry`mareva, E.N., & Sebeleva, A.V. (2021). Transformaciya arxetipov i mifologem v tvorcestve obskix ugrov: Monografiya. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. un-ta.

Samojlovskij, L.A. (2022). Yazy`chesko-xristianskij sinkretizm na Rusi. *Nauka. Obshhestvo. Oborona*. T.10. S. 6-6. URL: <https://clck.ru/36VCgr>

Sebeleva, A.V. (2020). Arxetip lesnoj koldun`i i lesnogo duxa v slavyanskoj mifologii i xanty`jskix skazkax. Korenny`e malochislenny`e narody` Severa, Sibiri i Dal`nego Vostoka: tradicii i innovacii: materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii XVIII Yugorskie chteniya. Obsko-ugorskij institut prikladny`x issledovanij i razrabotok. Xanty`-Mansijsk: OOO «Pечатny`j mir», S. 186-198.

© Себелева А.В., Булка О.С., 2023